

Когда из тела Сатору Годжо медленно соткался силуэт Сугуру Гето, в душе Бэтмена поднялась настоящая буря.

О существовании душ Темный Рыцарь, разумеется, знал. В конце концов, Готэм, Метрополис и Нью-Йорк перевидали слишком много чертовщины, а спорам о природе загробного мира не предвиделось конца. Но загвоздка заключалась в другом: никто из них — абсолютно никто — даже не подозревал, что внутри Сатору укрывается посторонняя душа.

В дверь спальни негромко постучали.

Брюс бросил быстрый взгляд на Гето, поднялся и открыл дверь.

Затанна и Дик бесшумно скользнули внутрь.

Затанна при виде Сугуру не сумела скрыть изумления:

— Неужели твоя душа уплотнилась до такой степени?

— Рад нашей встрече, мисс Затанна, — вежливо склонился Гето, выказывая безупречные манеры.

С трудом верилось, что столь утонченный человек водит дружбу со взбалмошным Сатору.

— Затанна? — в голосе Брюса послышалось недовольство.

Едва ли не в первые дни после того, как он приютил Годжо, Брюс попросил волшебницу осмотреть мальчика. Однако тогда прекрасная чародейка ни словом не обмолвилась о постороннем присутствии.

— Не вини меня, Брюс, — развела руками Затанна с самым невинным видом. — Ты ведь тогда спрашивал только о какой-нибудь темной скверне или проклятиях, от которых он мог занемочь. Вопросы о том, не прячется ли в нем кто-то еще, не звучало.

К тому же она видела Сугуру Гето не впервые. Еще во время самого первого осмотра Сатору ее взгляд зацепился за фигуру мужчины в странном буддийском облачении. Тогда он совсем не походил на себя нынешнего — овеществленного и видимого обычным глазом. Гето представлял собой лишь тающий осколок души, едва заметно колыхавшийся над погруженным в кому мальчиком. Затанне пришлось сконцентрировать магию в глазах и вглядеться изо всех сил, чтобы различить это призрачное марево.

Но в отличие от обычных призраков, цепляющихся за земное существование из-за былых привязанностей, этот человек оставался здесь по другой причине — его удерживал сам

ребенок. Словно в отчаянной попытке спасти, дикая, замешанная на чистом упрямстве проклятая энергия намертво оплела угасающий дух.

Сам же мужчина в монашеском одеянии выказывал безграничное терпение. Он покойно сидел у постели приемыша Брюса, устремив на него полный грусти и нежности взгляд карих глаз. Длинные черные волосы шелковыми прядями рассыпались по покрывалу, касаясь ладони спящего Сатору.

Почувствовав на себе взгляд волшебницы, призрак неторопливо повернул к ней голову.

«Ты меня видишь?»

Пока Брюс отвлекся, Затанна едва заметно кивнула в ответ. Ей, как потомственной чародейке, доводилось заглядывать и в небесные чертоги, и в бездны преисподней, но дух, столь лишенный эгоистичной злобы и обид, встречался ей нечасто. Он не роптал на то, что оказался прикован к чужому телу. Он лишь безмятежно сидел у изголовья, рассеянно перебирая пальцами бурлящие вокруг него всполохи чужой силы.

«Не говори им, ладно? — призрак поднялся, приложил палец к губам и заговорщицки улыбнулся. — Мне осталось недолго. Ни к чему тревожить их покой из-за бледной тени»

Тогда Затанна и сама понимала, что эта тень тает на глазах.

— Подумать только, — покачала головой Затанна, возвращаясь в реальность. — И все же ты выжил.

— Врожденная территория внутри Сатору стала для меня надежным убежищем, — пояснил Гето. — Ее энергия поддерживала во мне искру жизни.

Первое время он вообще не мог покидать внутренний домен Сатору. Ослабленная душа балансировала на грани небытия, погружаясь в беспробудный сон, и лишь изредка Гето приходил в себя. Так дух защищал себя от окончательного распада.

То, что сейчас он обрел былую силу и устойчивость, стало чистой случайностью.

— Вы ведь помните пальцы Сукуны? — Гето присел на край кровати и изящно закинул ногу на ногу, не сводя взгляда с Брюса. — Сукуна — не просто древний артефакт. В этих высохших пальцах все еще теплится жизнь. Это осколки души величайшего мага-заклинателя, который тысячелетие назад обратил себя в проклятие с помощью тайного искусства.

Гето негромко усмехнулся, и в этой усмешке скользнуло снисходительное презрение:

— Каждый палец хранит в себе частицу его сущности. И моя угасающая душа, спасаясь от гибели, начала инстинктивно впитывать эту чужую силу.

Сильнейший маг-проклинатель тысячелетия, некогда повергавший в трепет всю Японию, сделался для призрака банальным источником пропитания — Гето крупица за крупичей высосал остатки его вековой силы.

Кэндзяку, вероятно, перевернулся бы в гробу, узнай он, что его коварные интриги невольно уберегли от гибели выживших магов Колледжа. Те самые пальцы, которые Кэндзяку прихватил с собой на всякий случай, частично затерялись в веках, а уцелевшие послужили отличным источником сил для угасающего духа Сугуру.

Бэтмен хранил молчание, опустив голову. В полумраке маски его лицо казалось высеченным из камня.

— Полагаю, директор Яга уже просветил вас на мой счет? — Гето плавно взмыл в воздух, сделал круг по спальне и опустился на массивную люстру под потолком, устроившись там с непринужденностью птицы. — Можете быть спокойны: я никогда не причиню вреда Сатору.

В его голосе зазвучала мягкая, искренняя теплота, а взгляд потеплел.

— Мы не враги, — неторопливо продолжил он, перебирая пальцами длинную черную прядь. — Мы всегда были лучшими друзьями. Просто однажды сильно поссорились... настолько, что смерть развела нас по разным дорогам. Тот Сугуру Гето, который гнался за безумной мечтой и превратился в чудовище, зажатый в тиски между суровой реальностью и собственными фантазиями, действительно погиб двадцать четвертого декабря две тысячи семнадцатого года. Был упокоен навеки. Его оборвал единственный человек, которого он звал другом до самого конца — тот, кто нанес смертельный удар, но заставил перед смертью улыбнуться. А то, что вы видите сейчас — лишь бледный отголосок, остаток прежнего меня.

Гето опустил взор на Сатору. Тот беспокойно заворочался во сне, уткнувшись лицом в подушку, словно чувствуя чужое присутствие. Прямо как много лет назад, когда они дурачились, не зная удержу.

Сатору недовольно отмахнулся во сне от невидимой руки и что-то сердито буркнул под нос.

— Я никогда его не обижу, — прошелестел тихий голос.

Сугуру никогда не держал зла на своего единственного друга. И уж тем более никогда не помышлял увлечь его за собой во тьму. Сатору всегда оставался безупречным Божественным Дитя, рожденным сиять на вершине мира. Ему не место на той кровавой тропе, с которой нет возврата.

С этими словами призрак, утомленный долгим разговором, растаял в воздухе, вновь погружаясь в глубины сознания Сатору.

Оставшиеся в комнате переглянулись.

— В нем нет злобы, Брюс, — тихо произнесла Затанна, коротко кивнув хозяину дома, и бесшумно удалилась. Ей здесь больше нечего было делать.

Этот вопрос лежал далеко за пределами ее магического ремесла.

Брюс погрузился в раздумья.

— Что скажешь о нем, Дик?

Грейсон присел на край постели и легонько ткнул спящего Сатору в щеку.

— Мы сами нашли этого мелкого паршивца. Он вырос у нас на глазах, Брюс. Замысли этот призрак недоброе, он бы давно нашел момент для удара. Зачем ждать? Проще всего было придушить Сатору еще в детстве, пока его силы дремали. Ну или хотя бы тогда, когда мы принесли первый палец Сукуны и никто не был готов к фокусам с душой.

— Понаблюдаем за ним еще немного, — вздохнул Дик и тоже направился к выходу.

Брюс Уэйн молча смотрел на безмятежное лицо Сатору. В тишине спальни раздался его тяжелый вздох.

— Ведь ты все слышал, верно? — негромко спросил он.

Брюс повернулся к панорамному иллюминатору, за которым мерцал величественный, холодный космос. Лицо его оставалось бесстрастным.

— И что теперь думаешь делать?

Сатору, который только что притворялся спящим, мгновенно распахнул глаза и сел на кровати. На его лице было написано крайнее недовольство. Он сладко зевнул, ероша свои белоснежные вихры — хмель еще не окончательно выветрился из его головы.

— А чего тут думать? — проворчал он, надув губы. — Этот парень у меня под полным контролем. Я вижу каждый его шаг. Захочу — запру в самом темном углу своего сознания, и он носа наружу не высунет. Так что теперь он — моя собственность!

В этом заявлении не было ни капли логики — чистый детский эгоизм.

Брюс прищурился. Его тяжелый, неодобрительный взгляд говорил о том, что подобное легкомыслие здесь неуместно.

Но Сатору лишь пренебрежительно махнул рукой, поглубже зарылся в одеяло и ловким движением свернулся в плотный кокон, напоминая огромную белую гусеницу.

— Всё, я спать!

Брюс посмотрел на этот упрямый шелкопрядный кокон. Ситуация злила и забавляла его одновременно. Он попытался стянуть одеяло, но если Сатору Годжо вознамерился уйти в глухую оборону, сдвинуть его с места было задачей невыполнимой. Даже со всей своей внушительной силой Бэтмен не сумел сдвинуть упрямого мальчишку ни на сантиметр — ткань натянулась струной, но не поддалась. Потяни он сильнее — и дорогое одеяло просто лопнуло бы по швам.

Раздраженно выдохнув, Бэтмен нахлобучил шлем и направился к выходу. Ему срочно требовалось составить пару десятков новых планов действий — от «А» до «Я» — на случай, если этот призрачный гость выкинет что-нибудь неординарное.

Как бы Темный Рыцарь ни ворчал, ему пришлось уступить. По настоянию Сатору вопрос с духом замяли. Впрочем, если Брюс сохранял настороженность, то все остальные домочадцы сгорали от жгучего любопытства к новому постояльцу.

Сатору с интересом разглядывал призрака своего старого друга. Полупрозрачный силуэт Гето казался белесым и на ощупь напоминал упругое прохладное желе. Глаза несносного кота вспыхнули азартом — так смотрит хищник на зазевавшуюся мышь.

Джейсон Тодд, дремавший в инвалидном кресле под действием сильных обезболивающих, случайно приоткрыл один глаз. Увиденное подействовало на него круче, чем фирменный овощной сок Альфреда — парня мгновенно прошиб холодный пот. Он так и застыл, наблюдая, как нахальные пальцы Сатору бесцеремонно пронзают призрачное тело Сугуру, оставляя в нем зияющие сквозные дыры.

Призрак же вел себя так, будто ничего необычного не происходит. С той же безмятежной улыбкой он продолжал как ни в чем не бывало обсуждать с Тимом тонкости тактического планирования.

Сатору зачарованно наблюдал, как края прорех стягиваются обратно, и восторженно охал. Тело Сугуру действительно напоминало по своей структуре скользкий слайм: упругое,

прохладное и невероятно приятное на ощупь. К тому же дыры затягивались за считанные секунды — рваные края призрачной плоти стягивались сами собой, возвращая силуэту прежнюю целостность.

Сатору поглядел на свои пальцы, затем на призрака. Его небесно-голубые Шесть Глаз лукаво блеснули. Набрав в грудь побольше воздуха, он с молниеносной быстротой принялся тыкать пальцами в несчастного друга, за долю секунды превратив его в дуршлаг. Цельный еще мгновение назад силуэт теперь напоминал изрешеченную мишень.

Тим, который до этого спокойно вел беседу, от неожиданности лишился дара речи и только беззвучно хватал ртом воздух.

Дик, удерживавший брыкающегося Дамиана, восхищенно покачал головой. Сразу видно — старые друзья. Адское терпение Гето заслуживало всяческих похвал.

Впрочем, терпение это лопнуло в тот же миг.

— Прости, Тим, прервемся на минуту, — вежливо улыбнулся Гето.

А в следующий миг на его бледном лбу вздулась багровая вена. Сорвавшись с места, Сугуру с яростным рыком набросился на белобрысого паразита. Они покатались по полу, сплетясь в один беснующийся клубок.

Оба проявили поразительную заботу о фамильном антиквариате Уэйнов: ни один не посмел задействовать проклятую технику. Потасовка шла на чистой физической силе: Гето изо всех сил тянул Сатору за белоснежные вихры, а тот в ответ пытался выдрать другу его дурацкую челку.

Силы были равны, и уступать никто не собирался.

Эта живописная картина наглядно доказывала семейству Уэйнов простую истину: настоящая дружба куется в драках, а оба этих гения — те еще язвы и хулиганы, один другого стоит.

Альфред невозмутимо уклонился от пущенной кем-то чашки и изящно перехватил ее на лету.

— Со следующей недели меня не будет в поместье, — столь же спокойно произнес дворецкий. Его тон поверг присутствующих в глубокий шок. — Мне пора взять заслуженный отпуск, юные господа. Дальше справляйтесь сами.

<http://bllate.org/book/19544/2004477>